

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).084.1/2+”1914/1918”

В. П. БУЛДАКОВ, Т. Г. ЛЕОНТЬЕВА
1917 ГОД. ЭЛИТЫ И ТОЛПЫ: КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНД-
ШАФТЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
М.: ИСТЛИТ, 2017. 624 С.

В. Б. Аксёнов

РАН, Институт российской истории,
г. Москва, Россия

Автор рецензирует очередную коллективную монографию В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М.: ИстЛит, 2017. 624 с., посвященной изучению культурных коллизий эпохи, в которых столкнулись представления о прошлом, настоящем и будущем страны элит и толп. Авторы обращают внимание, что социокультурный конфликт обозначился не только по вертикали, т.е. между представителями разных социальных групп, но и по горизонтали – даже среди представителей одних и тех же художественных направлений можно было обнаружить диаметрально противоположные представления. К причинам этого авторы книги относят как общий социокультурный кризис, предзнаменования которого обнаруживаются еще в культуре Серебряного века как лебединой песне уходившей эпохи, так и тот факт, что смута подхлестывала фантазии современников, наполняя их амбивалентными эмоциями, с одной стороны, затруднявших рациональное восприятие действительности, с другой, позволявших предсказывать недалекое будущее.

Ключевые слова: революция 1917, В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева, интеллигенция, толпа.

2017 год оказался ожидаемо богат на юбилейные публикации. Испробовать собственные силы на историческом материале 1917 г. пытались не только профессиональные историки, но и медийные персоны. Да и среди первых были те, кто, не являясь специалистом в истории российской революции, более или менее удачно старался отдать дань

уважения событиям столетней давности. Поэтому особый интерес представляют вышедшие в минувшем году исследования признанных специалистов по «русской смуте»¹.

¹ См, напр.: Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождей народа» (март – июнь 1917 года). М., 2017; Российская революция 1917 года:

Среди таких авторов в первую очередь следует назвать В. П. Булдакова, чья «Красная смута», опубликованная в восьмидесятилетнюю годовщину революции, стала определённым прорывом в отечественной историографии, и Т. Г. Леонтьеву, чья «Вера и прогресс» задала вектор изучения проблемам взаимоотношений церкви, государства и общества в начале XX в.²

Рецензируемое исследование является продолжением работы уже сложившегося творческого тандема В. П. Булдакова и Т. Г. Леонтьевой. Вышедшая в 2015 г. совместная монография «Война, породившая революцию» вызвала положительный резонанс научного сообщества³. «1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции» продолжает исследование не только и не столько хронологически, сколько углублением проблемы социокультурного раскола 1917 г. Авторы остаются верны сформулированным ранее исследовательским принципам, подвергая критике вульгарный презентизм, который через упрощение природы революции до «бессодержательных социо-

логических формул» оборачивается в конечном плане «праведным морализаторством» (с. 9). При этом сами исследователи рассматривают революцию в качестве системного кризиса, порожденного «как глобальными, так и внутренними культурными сдвигами с их непременно болезненными психосоциальными последствиями» (с. 12). Предметом исследования являются «культурные коллизии революционной эпохи», выражающиеся, порой совершенно неожиданно для самих субъектов, в результатах творческой деятельности людей в различных сферах. В качестве фигурантов выступают деятели культуры, творческие коллективы, сообщества, однако В. П. Булдаков и Т. Г. Леонтьева избегают институционального подхода, смещая исследовательский фокус с функционирования формальных институтов на возникающие вследствие столкновения различных идей, концепций ментальные парадоксы эпохи.

Авторы придерживаются синергетического подхода, предполагающего изучение диалектической зависимости закономерного и случайного. По их мнению, и с этим трудно не согласиться, в кризисные периоды удельный вес стихийного многократно возрастает, в результате чего исследователь среди изучаемых глобальных закономерностей, объективных факторов может упустить именно тот мелкий триггер, который запускает исторические бифуркации. В этом случае во имя преодоления парадокса порождаются интерпретации прошлого, которые случайное и стихийное рассматривают в качестве злонамеренного и спланированного: историческая аберрация вынуждает за-

Власть, общество, культура: в 2х тт. / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2017.

² Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.

³ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. М., 2015; Мамонов А. В., Колоницкий Б. И., Розенберг У., Аксёнов В. Б., Войтиков С. С., Гайда Ф. А. Рец. на: В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. Война, породившая революцию // Российская история. 2017. № 5. С. 3–29.

шедшее в тупик сознание искать ответы через аналогии с современностью, содержащей собственные мифы и страхи. Булдаков и Леонтьева последовательно в своих работах очищают события столетней давности от конспирологической накипи, обращая внимание на ее исключительную заразность, объясняющуюся слабостями человеческой природы: «Тяга к конспирологии неискоренима. Всем хочется узнать, кто выпустил джинна из бутылки. Но никто не готов поверить, что успешнее всего это может проделать не коварный злодей, а случайный дурак. В России эта роль лучше всего удается человеку на троне» (с. 13–14). Не случаен выбранный авторами эпиграф из «Мастера и Маргариты»: «– Ты слышишь, прокуратор? – тихо повторил первосвященник. – Неужели ты скажешь мне, что все это... вызвал жалкий разбойник Вар-равван?» Действительно, собрать и запустить механизм, в результате включения которого «Русь слиняла в два дня», едва ли было под силу какой-либо группе «злоумышленников». Для глобально-катастрофических последствий февраля 1917 г. требовались причины, соответствующие по масштабу и степени проникновения в политическую, экономическую, социальную и культурную сферы России начала XX в. А в условиях сформировавшейся соответствующей атмосферы случайно зажженная спичка в руках того самого «дурака» порождала необратимую цепную реакцию.

Вероятно, здесь важно оговорить, что поиск конкретного «дурака» не должен становиться задачей исследователя, вопрос «Кто виноват?» не имеет большого смысла тогда, когда разбираются явления, со-

поставимые по масштабу с российской революцией. Вместе с тем можно признать, что конкретные действия конкретных представителей власти, включая императора Николая II, не способствовали предотвращению катастрофы. Не случайно ли современники в качестве наиболее часто употреблявшегося эпитета в адрес царя использовали слово «дурак»?

Историографическая ситуация вокруг русской смуты иногда напоминает психологическую атмосферу внутри нее, хорошо описанную П. А. Сорокиным: «На поздней стадии революции, так же как и в конце войны, наблюдается повсеместное распространение внушаемости, снижение способности к критическому мышлению и усиление жажды к самообольщению. Значительная часть населения становится истеричной; начинается и стремительно усиливается процесс “примитивизации”. Восприятие многих явлений становится односторонним и искаженным, люди обращают внимание на малозначительную информацию, упуская главное. Способность мыслить логически уступает место причудливым и хаотичным ассоциациям. Память, как правило, становится короткой. Заблуждений и галлюцинаций более чем достаточно, люди с полным доверием относятся ко всевозможным слухам о заговорах и “пятой колонне”, путают друзей и врагов, все одержимы манией величия и т. п. Основное настроение – настроение чрезвычайной нестабильности; сильные и неконтролируемые эмо-

ции выливаются в акты бессмысленного вандализма и жестокости»⁴.

Структура монографии логична. Исследование состоит из четырёх глав: «От надежд к опасениям, от отчаяния к смирению: в водовороте революционной обыденности», «Церковь, вера, прихожане: поиски духовных ориентиров», «Страсти настоящего, химеры будущего: слухи и страхи “красной смуты”», «Лицом к лицу с охлосом», а также вместо введения «Слагаемые “культуры взрыва”», вместо заключения «После “взрыва”» и именного указателя. Использование вместо хронологического подхода проблемного принципа позволяет как бы спирально погрузиться в исследуемую эпоху, с разных углов и точек зрения рассмотреть известные и неизвестные сюжеты российской революции.

Во вводной части традиционно обосновываются методологические принципы работы, которые при этом традиционными не являются. Уже в предыдущих исследованиях Булдаков и Леонтьева показали, что для понимания природы революционной эпохи необходимо учитывать не только формальные отношения между людьми, институтами, но и различные формы неформального взаимодействия, к которым можно отнести эмоции. Распространяясь в обществе, заражая представителей последнего, эмоции выступают мощным катализатором социально-политической и экономической ак-

тивности. Отталкиваясь от актуального эмпириологического подхода, авторы отмечают характерную для России начала XX в. смену «эмоциональных режимов в связи с кардинальными общественно-историческими подвижками», обращают внимание на то, что традиционные институты, в первую очередь Церковь, утрачивали контроль за эмоциональной сферой жизни общества, вследствие чего стирались границы между идейным и эмоциональным, «эмоциональная контагиозность» перерастала «в идейно-психопатологическую эпидемию» (с. 51–52).

Конечно, можно назвать несколько факторов конфликта эмоциональных режимов. Сами авторы обращают внимание на то, что Серебряный век русской культуры, традиционно рассматриваемый в качестве некоего ренессанса, в действительности был «лебединой песней старой культуры», результатом накопления кризисных явлений вследствие столкновения модерна и архаики, нёс в себе значительный потенциал «культуры взрыва». Действительно, в теориях и практиках этой эпохи обнаруживается гремучая смесь западного рационализма, восточного мистицизма и русского сектанства. Вместе с тем социокультурные инверсии эмоциональных режимов были тесно связаны с демографическими процессами: переезжавшие в города крестьяне приносили с собой элементы религиозно-мифологической культуры. В годы Первой мировой войны это особенно заметно проявилось в странстве городских слухов, в котором обнаруживается значительный вес традиционной мифологии.

⁴ Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб., 2012. С. 40–41.

Первая глава исследует поэтиче-ско-символическое пространство революции. При этом авторы акцентируют внимание на эмоциональном восприятии событий художественной интеллигенцией, быстро приведшим последнюю к разочарованиям. Особенно значимым источником здесь выступает поэзия, которая в метафорической форме интерпретирует окружающую реальность, иногда выносит жесткие приговоры, точные предсказания. «Настоящая поэзия – не просто тонкая, но и болезненная вещь. Она рождается на грани воображаемого и возможного, желаемого и необходимого. И это противоречие особенно усиливается в кризисные времена. Поэты подхлестывают фантазии, они же возбуждают жгучую ненависть. Никто так, как поэты, не восхищался неистовством революции, никто не осуждал ее так, как они. Иногда это делали одни и те же люди. Так было и в России» (с. 128), – замечают Булдаков и Леонтьева. Помимо поэзии обращается внимание на театральную и кинематографическую жизнь российских городов. Учитывая, что от появления идеи снять фильм до его выхода на экран могло пройти пару дней, кинематограф достаточно чутко фиксировал меняющуюся атмосферу общества, настроения творческих элит. При этом для всех видов искусств было характерно смешение жанров: антрепренеры шли за пожеланиями толпы, часто руководствовавшейся низменными инстинктами, вследствие чего политическая сатира нередко объединялась с жанром порнографии. В целом следует отметить, что русская революция оказалась богатой на

проявления различных перверсий – как в культурном, так и бытовом пространстве.

Авторы обращают внимание на очередной парадокс: хотя представители художественной интеллигенции достаточно быстро пресытились драмами революции и ужаснулись её главным следствием – Гражданской войной – для некоторых из них, как, например, для Н. С. Гумилёва, период повседневных тягот обернулся «болдинской осенью». «И кто знает, что именно требуется гению для максимальной творческой реализации? Может быть, кому-то непременно нужно попасть в то самое “непредсказуемое” историческое время, которое взметнет его природный дар, хотя и уничтожит при этом физически?» (с. 199).

Вторая глава монографии посвящена поиску духовных ориентиров обществом в условиях религиозного кризиса. Этот поиск представлен чередой конфликтов, возникавших на самых разных уровнях: приходском, епархиальном, государственном. Авторы расширяют границы социокультурного кризиса, обозначенные в предыдущей части, указывая на духовные парадоксы начала XX в., спровоцированные этактистскими процессами, которые привели к тому, что патернализм начал подменять веру: «В авторитарно-патерналистских системах вера играет особо значимую роль: религиозные войны прошлого – убедительное тому подтверждение. При этом империя с трудом переносит иную веру, кроме веры в самое себя. Российская империя нашла “выход”, подчинив духовную власть светской. Как побочный результат потребности власти и веры

стали расходиться. Вера стала подменяться традицией – главным образом традицией повиновения власти, сакрализованной скорее ритуальной привычкой, нежели нравственным чувством. Вслед за тем этицизация и бюрократизация “официальной” церкви минимизировала потребность народа в привычной вере. Отсюда разгул сектантства, что стало особенно заметно к началу XX в. Возникает вопрос: могло ли произойти возрождение веры в ходе революции или после нее? Действовала ли демократическая власть в интересах основной массы пастырей и паствы?» (с. 209).

Выясняя природу антицерковной репрессивности большевиков, авторы указывают на то, что «антигосударственная» пропаганда рядом революционеров воспринималась автоматически как «антицерковная». В этом отношении церковь оказывалась обречённой в условиях разгоравшейся революции, в 1918 г. репрессии относительно духовенства шли не только со стороны большевиков, но и анархистов с эсерами. Неоднозначным оставалось отношение широких кругов паствы к приходскому духовенству, хотя экспроприация большевиками церковных ценностей вызывала, как правило, недовольство крестьян и провоцировало локальные стычки с красноармейцами. При этом переоценивать религиозную составляющую подобных столкновений не стоит: в ряде случаев крестьяне защищали то, что считали собственностью своего прихода. Известны случаи, когда крестьяне, прогоняя пришедших за церковным имуществом красноармейцев, заодно били и попов. Вместе с тем революция сохраняла слабую надежду на союз христианства и социализма,

чьё сближение обозначилось еще в годы революции 1905–1907 гг. увлечением ряда священников идеями социализма. Однако авторы скептически оценивают перспективы создания «новой религии»: «На метаисторическом уровне революция должно породить новую веру. Объективно, она должна была сложиться на основе фанатичного отрицания прошлого во имя не менее фанатичного преклонения перед будущим. К. Маркс подсказал образ этого будущего в лице нового «мессии» – интернационального пролетариата. Это стало основным квазирелигиозным заблуждением русской революции. Победила привычная вера в государственность, прикрывшуюся идеалами коммунизма» (с. 339).

В третьей главе речь идёт о психоэмоциональном измерении революции, особое внимание уделяется изучению феномена слухов, которые в «нормальном» обществе выполняют коммуникативную функцию, в то время как в обществе, переживающем кризис, – играют «роль мощного стимулятора деструктивных процессов»: «Исследование слухов как психопатологических и подсознательных реакций на происходящее позволяет до определенной степени понять, что “красная смута” развивалась по собственной – синергетической – логике, а не по кабинетным предписаниям тех или иных политиков, порождённых безоглядными заимствованиями и/или ментальными традициями прошлого» (с. 343).

Показательно, что пространство слухов пересекалось с пространством веры: накануне революции и во время оной актуальными стали эсхатологические слухи о пришествии

Антихриста, «Анчутки беспятого» и пр. (с. 345). На этой почве, по признанию современников, распространилась «эпидемическая неврастения», лишавшая людей чувства страха, собственного достоинства (с. 346). Авторы останавливаются на наиболее распространённых слухах 1917 г. – о причинах недостатка хлеба в феврале, о «чёрных автомобилях» в марте и др., – впрочем, тема эта уже получила определённое освещение в историографии⁵. Булдаков и Леонтьева, изучая инверсию разных культур, пластов сознания в 1917 г., обращают внимание на столкновение двух «партий» – «О. О.» (обалделых обывателей) и «И. И.» (испуганных интеллигентов): «В контексте разгула всевозможных слухов, производных от тотальной депрограммированности, преумноженной растущим озлоблением против всего непривычного, эти “партии” успешно конкурировали друг с другом» (с. 379). В конечном счёте распространяя страх, озлобленность, они создавали ментальную базу для успеха большевизма.

В последней главе изучаются формы революционного насилия. По-прежнему обращается внимание на столкновение культур, спрово-

⁵ Более подробно о слухах в 1917 г. см: *Аксенов В. Б.* Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 году // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 163–200; *Его же.* Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. №2. С. 17–32; *Его же.* «Черное авто» как символ революционного насилия: фобия, мифология, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. №32. С. 112–141.

цировавшее «буйство охлоса»: «Революционное насилие – это не просто “классовая борьба”. Его интенсивность связана с аккумуляцией взаимной нетерпимости “верхов” и “низов”. В широком смысле в России послеоктябрьское насилие было производным от внутреннего “столкновения культур”. Традиционная культура, вырвавшись из сдерживающих рамок бюрократической государственности, обнаружила свои “дикие” архетипические основания, а тем временем снобистский Модерн растерянно и обиженно взирал на буйство охлоса» (с. 483). Авторы разбирают динамику социальной активности маргинальных слоёв населения от демонстрации революционной удалости в феврале через хулиганство и самосуды к послеоктябрьскому террору, в основе которой лежали искажённые революцией представления о справедливости. Несмотря на то, что самосуды 1917 г. стали основой террора 1918 г., большевики пытались бороться с первыми, в чем авторы справедливо усматривают стремление монополизировать право на насилие. Вместе с тем в центре исследовательского фокуса оказываются не только стратегии тех или иных акторов революции, но и психологические приметы времени. Описывая бесчинства охлоса на улице, Булдаков и Леонтьева замечают, что «настоящий ужас революции не в её непосредственной жестокости, а в том, что она заставляет воспринимать жестокость как норму» (с. 561–562).

Следует заметить, что исследование Булдакова и Леонтьевой можно отнести к историософии: в нём на громадном фактическом материале

поднимаются глубинные темы, раскрывающие природу исторических процессов, а также явно ощущается авторская рефлексия на тему катаклизмов XX в., с помощью которой происходит и некоторая интерпретация современности. Авторы замечают, что «история обречена на переписывание. Страхи и утопии реального прошлого – это и есть та почва, которая рождает то ужасающие, то вдохновляющие образы. Из их культурно и темпорологически востребованных констелляций, в сущности, и состоит так называемая историческая память. И она беззащитна перед идеологами, ибо прошлое становится неинтересным вне связи с современностью, если, конечно, оно не красивая сказка» (с. 596). Дается объяснение феномену мифотворчества, причём оппозиция миф–истина рассматривается в диалектическом ключе: «Без мифа человечество не смогло бы выжить. Без стремления к истине, т. е. без разрушения мифов, оно не смогло бы двигаться вперёд» (с. 595).

Как и предыдущее исследование этого успешного творческого тандема, книгу «1917 год. Элиты и толпы» можно отнести к жанру интеллектуального pop-fiction – монография заметно расширяет границы классического академического труда, авторы опускают некоторые традиционные формальности (историографический экскурс, источниковедческий раздел), предлагая читателю выжимку из результатов собственных трудов. При этом можно обнаружить авторскую провокативность, с помощью которой они пытаются вывести чи-

тателя на диалог. Кому-то может показаться, что местами текст перегружен фактическим материалом – исследователи используют широчайший массив письменных источников (личного происхождения, делопроизводство органов исполнительной власти, художественных произведений), визуальных документов (кинематограф, живопись, графика), – однако в этом заключается суггестивность выбранного подхода, цель которого – погрузить читателя в психоэмоциональную атмосферу эпохи.

Конечно, в исследованиях подобного масштаба едва ли возможно полностью избежать мелких недочётов, описок. Так, например, поднимая интереснейшую проблему динамики образов А. Ф. Керенского и, в частности, слухов о его бегстве из «Зимнего» в женском платье, авторы упоминают, что эти разговоры в конце концов были визуализированы в советском кинематографе – в фильме С. Эйзенштейна «Октябрь». В действительности в «Октябре» Керенский покидал дворец в своём обычном френче, а женское платье надел в 1970 г. в фильме «Посланные в вечности».

Тем не менее данная работа уникальна не только и не столько громадным фактическим материалом, сколько сформулированными новыми исследовательскими проблемами, позволяющими осмыслить «красную смуту» в контексте столкновений архаики с Модерном.

Список литературы:

1. Мамонов А. В., Колоницкий Б. И., Розенберг У., Аксёнов В. Б., Войтиков С. С., Гайда Ф. А. Рец. на.: В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. Война, породившая революцию // Российская история. 2017. № 5. С. 3–29.
2. Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Мир, 2012.

[REW.]: V. P. BULDAKOV, T. G. LEONTIEVA. 1917. ELITES AND CROWDS: CULTURAL LANDSCAPES OF THE RUSSIAN REVOLUTION. M.: ISTLIT, 2017. 624 S.

V. B. Aksenov

The Moscow State Technical University of Radio Engineering, Electronics and Automation (Technical University),
The Dept of Russian History and Law,
Moscow, Russia

The author reviews another collective monograph by V.P. Buldakov and T.G. Leontieva «1917. Elites and crowds: cultural landscapes of the Russian Revolution» (Moscow: EastLit, 2017. 624 pp.) devoted to the study of cultural collisions of the epoch, in which ideas about the past, present and future of the country of elites and crowds collided. The authors draw attention to the fact that the socio-cultural conflict has become apparent not only vertically, i.e. between the representatives of different social groups, but also horizontally - even among the representatives of the same artistic trends one could find diametrically opposite ideas. Among the reasons for this are both the general socio-cultural crisis, the omens of which are found in the Silver Age culture as a swan song of an epoch, and the fact that the turmoil spurred the fantasies of contemporaries, filled them with ambivalent emotions, on the one hand, complicating the rational perception of reality, on the other hand, allowing to predict the near future.

Keywords: *revolution of 1917, V.P. Buldakov, T.G. Leontieva, intellectuals, crowd.*

Об авторе:

АКСЕНОВ Владислав Бэнович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России и права, Московский государственный технический университет радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА), (Россия, 119454 г. Москва, Проспект Вернадского, д. 78), e-mail: vlaks@mail.ru

About the author:

AKSENOV Vladislav Benovich – The Candidate of History, The Associate Professor, The Dept of Russian History and Law, The Moscow State

Technical University of Radio Engineering, Electronics and iavtomatiki (Technical University), (Russia, 119454 Moscow, Prospect Vernadskogo, 78), e-mail: vlaks@mail.ru

References

Mamonov A. V., Kolonickij B. I., Rozenberg U., Aksënov V. B., Vojtikov S. S., Gajda F. A. Rec. na.: *V. P. Buldakov, T. G. Leont'eva. Vojna, porodivshaâ revolyuciyu*, Rossijskaâ istoriâ, 2017, № 5, S. 3–29.

Sorokin P. A., *Čelovek i obšestvo v usloviâh bedstvij. Vliânje vojny, revolyucii, goloda, epidemii na intellekt i povedenie čeloveka, social'nuyu organizaciju i kul'turnuyu ĥizn'*, SPb., 2012.

Статья поступила в редакцию 27.10.2018 г.